

В ОДНОМ из пере-
рывов съезда ме-
ня позвали к
Александру Андреевичу
Прокофьеву. Он был глав-
ной нашей ленинград-
ской делегации. Съезд
шел уже неделю. Второй
Всесоюзный съезд писа-
телей. Был декабрь 1954
года. «С тобой хочет
познакомиться Фадеев»,
— сказал Александр Ан-
дреевич. Для меня это
прозвучало неожиданно и
непонятно. Честно говоря,
в те дни многое меня оше-
ломляло. Начать с того, что
меня выбрали делегатом
на съезд. И то, что я ока-
зался вдруг среди людей,
которые были до того вре-
мени портретами, собра-
ниями сочинений, извест-
ными с детства стихами,
строчками. Они превраща-
лись в живых людей, мож-
но было услышать их го-
лоса, высказывания, при-
чем самые заурядные, ме-
ня знакомили, я ощу-
щал тепло их рук — Ама-
ду, Хикмет, Арагон, Ива-
шкевич... Было любопытно
и страшновато, потому
что любой из них мог
спросить: а это, собствен-
но, кто такой? Я ощущал
себя чужаком, случай-
но проникшим на Олимп.
Даже в своей ленинград-
ской делегации я робел, и
немудрено: в составе ее
были Ольга Форш, Анна
Ахматова, Евгений Шварц,
Михаил Слонимский, Юрий
Герман... — что ни имя,
то страница истории ли-
тературы, их знали Горь-
кий, Маяковский, они ви-
дели Блока, Куприна, от
них тянулась прямая связь
с великой нашей класси-
кой. К счастью, никто
много особенно не интере-
совался. И вот почему-то
Фадеев.

А Фадеев был для меня
тем более академично-
мраморным, извечно су-
ществующим, поскольку
еще в школе мы проходи-
ли «Разгром». То, что бы-
ло в школе, ныне, в
1954 году, отделенное че-
тырьмя годами войны,
стало историей.

На следующий день по-
сле заседания А. А. Про-
кофьев подел меня к Фа-
дееву. Вблизи Фадеев вы-
глядел и моложе, и мяг-
че, чем издали, под мят-
терами президиума. Се-
дые волосы его не стари-
ли. В стройной его высо-
кой фигуре была легкость,
упругость здоровья. Он
оглядел меня с неясным
еще любопытством. Полу-
чилося так, что мы оба
как бы усталились друг на
друга. Заметив это, Фа-
деев засмеялся, откинув го-
лову. Он предложил поси-
деть, поговорить, нет, не
тут, лучше у него дома,
сразу после съезда, то
есть через два дня, и он
написал мне на клочке бу-

маги свой адрес, как прой-
ти. Они с Прокофьевым
называли друг друга Саш-
ка, Сашок, что почему-то
меня тоже изумило. Но
главное — я не решился
спросить Фадеева, зачем
я ему понадобился. Я сде-

В один из последних
дней съезда выступил Фа-
деев. Я слушал его жадно,
пристрастно, впрочем, не
один я. Съезд длился уже
больше недели, все устали
от речей, и теперь в зале
бывало народу меньше,

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ: ЖИТЬ И ИСПОЛНЯТЬ

дал вид, что так оно и по-
ложено, у нас есть о чем
поговорить. И последую-
щие дни мучился, гадал,
не мог представить себе,
какое у него может быть
дело ко мне.

Придется тут пояснить,
что литературную жизнь
я знал крайне плохо. Ни-
какого филологического
образования я не имел, и
связей и корней в литера-
турном мире у меня не
было. Я был, что назы-
вается, типичный технар-
е, производственный человек
пришлый. И эту свою чу-
жеродность я ощущал в
ту пору болезненно. При-
чем чувство это сочета-
лось с вызывающей неза-
висимостью. Мы, мол, ва-
шим терминам не обуче-
ны, у нас своя специаль-
ность, своя работа...

Только что в журнале
«Звезда» был напечатан
мой роман «Искатели»,
тоже как бы инженерный;
это был мой первый ром-
ан, его упомянули на
съезде, и я раздвинулся от
гордости. Тщеславие и ро-
бость, самодовольство и
в то же время ощущение
незаконности своего при-
сутствия — все это совме-
щалось довольно причуд-
ливо и, наверное, не са-
мым приятным образом.

чем в кулуарах. Но на
речь Фадеева собрались
все. Когда он вышел на
трибуну, началась овация,
зал встал. Это вышло
непроизвольно, в порыве
чувства поднялись все — и
те, кто еще недавно бра-
нил Фадеева, упрекал его
в разных грехах и про-
ступках. Все наносное
вдруг отхлынуло перед
чем-то более существен-
ным, как будто зал пере-
далось, что творилось в
душе этого человека. Мо-
жет быть, было тут пред-
чувствие, что слышат его
в последний раз, во вся-
ком случае, волнение
было сильное. Из вы-
ступления его запомни-
лось то, как поддержал
он Ольгу Берггольц, ее
тезис о праве поэта на
самовыражение, хотя тер-
мин «самовыражение»
отвергал. Председатель-
ская дискуссия об этом
чрезвычайно захватыва-
ла всех. Запомнилась и не-
обычная для того времени
самокритичность его, как
он говорил об ошибках в
работе секретариата и бо-
лее всего о своих собствен-
ных ошибках. В тоне
его звенело совестливо-
напряженное, беспощад-
ное к себе и в то же вре-
мя доверчивое к нам; по-
добное слышать с трибу-

ны мне никогда не прихо-
дилось.

Между залом и Фадее-
вым происходило как бы
объяснение. Я слушал его
с интересом предстоящего
свидания, думаю, много-
го я, новичек, не улавли-
вал, но явственно ощутил
в этом человеке талант
привлекать к себе людей
самых разных. Даже его
противники не могли ус-
тойть перед его сверкаю-
щим примирительным сме-
хом. В нем любили его
доступность, открытость и
способность быть свобод-
ным. При том первом зна-
комстве он, сообщив мне
адрес, вдруг, не помню, в
связи с чем, взял А. А.
Прокофьева за плечи и
стал читать ему Лермон-
това:

Когда б в покорности
незнанья
Нас жить создатель
осудил...

Он читал самозабвенно,
радостно, пока кто-то не
отозвал его, и Александр
Андреевич сказал ему
вслед с завистью: «Вот
черт, этот Сашка, знает
наизусть всего юного Лер-
монтова!»

Съезд кончился, выбра-
но было правление, и на
следующий день я отпра-
вился на улицу Горького,
в дом, где жил Фадеев.
По дороге меня мучило
сомнение: а что, как ему
теперь не до меня, за эти
дни развернулись собы-
тия, которые могли огор-
чить его, не выбрали его
руководителем союза, да
и не только это... И что
за разговор у нас мог
быть, о чем?

В раздумье я стоял на
лестнице, ожидая назна-
ченного часа. Дверь мне
открыл Александр Алек-
сандрович и обрадовался; я
разделся, он провел меня в
кабинет. Заметив, с каким
напряжением я держусь,
как уселся на кончик крес-
ла, он сразу начал без
вступления с того, что
прочел в «Звезде» роман
«Искатели» и хочет о нем
поговорить. Но прежде
он расспросил меня, где
я воевал, где учился, где
работал. Расспрашивал
целко, как бы сопоставляя
с тем, что прочитал. Ле-
нинградский фронт — это

ЭТЮДЫ О ПИСАТЕЛЯХ

СВОИ ОБЯЗАННОСТИ

он знал, он даже бывал в
соседней с нами дивизии
под Пулковом, и это как-
то помогло мне несколько
расслабиться. Фронтовые
связи являлись для меня
святыми, решающими. Бло-
кадный Ленинград, жизнь
блокадную он знал в чем-
то лучше меня, поскольку
мне за все время войны
удалось побывать в Ле-
нинграде раза три-четыре.
Впрочем, мы и сами не
стремились в город, там
было тяжелее, чем на пе-
редовой. Незаметно раз-
говор перешел на роман.

С особой дотошностью
Фадеев стал выяснять,
что сочинено, а что бы-
ло на самом деле, как
герои соответствуют сво-
им прототипам. Он рас-
спрашивал про энергетик-
ков, допытывался, почему
я не использовал драма-
тичность аварийных ситуа-
ций. С этой стороны ни-
кто никогда не интересо-
вался романом. Меня са-
мого озадачивали собствен-
ные решения. Он раз-
бирал характеры моих ге-
роев, прежде всего геро-
инь, их поступки, пред-
лагал другие варианты, мы
перебирали с ним сюжет-
ные повороты, примеривая
к роману и к жизни, как
бы проверяя прочность
моей постройки. Это была
не критика, я бы стал не-
медленно защищаться, а
тут я почему-то помогал
Фадееву в его сомнениях
и пробах. Меня поразило,
что он цитировал отдель-
ные фразы из книги, сбра-
щал внимание на детали,
которым я не придавал
значения. Он сравнивал
роман с другими книгами,
находя ему место, видно
было, как он представлял
всю панораму советской
литературы, ее процессы
и движение. Слушая его, я
сам первый обнаруживал
некоторые слабости и ог-
рехи в своем еще недавно
неуязвимом детище, пря-
мых замечаний я бы не

потерпел: я считал себя
защищенным опытом жиз-
ни, все это было пережи-
то, прожито мною, кто
лучше меня мог знать мо-
их товарищей по работе
в Ленэнерго, моих кабель-
щиков, моих высоковольт-
ников, мое начальство...

Впервые я слышал чист-
то профессиональный пи-
сательский разбор, глав-
ное, что подкупало меня,
— это пылкий интерес
Фадеева, можно было
подумать, что у него бы-
ла какая-то личная за-
интересованность. С ка-
ким азартом он обсуждал
женщин, которых любят
герои! К каждой у него
было свое отношение, он
излагал мне истории этих
женщин, их любовных от-
ношений. Похоже было,
что он не импровизиро-
вал.

— А вы подумали, что
произошло с ней, когда
Лобанов отверг ее? —
спрашивал Фадеев. — Как
сложилась ее судьба и как
сам этот мой Лобанов, не-
ужели его не мучила со-
весть?

Он уводил меня в со-
стояния, о которых я не
задумывался. Но его зани-
мали не слабости, а ско-
рее их причины; наверное,
во все надо стараться вло-
жить собственную биогра-
фию. Чувство у читателя
можно вызвать своим со-
бытийным чувством.

Языком, отдельными по-
грешностями стиля, тем,
на что обычно указывают
молодым писателям, этим
Фадеев почти не занимал
нашего разговора. «Смысл
рождает слова», — говорил
он. — Мысль надо искать
верною».

Посреди разговора его
позвали. Он вышел. Я о-
стался в кабинете один и
стал осматривать об-
становку. В ней была пу-
таница солидности и не-
брежности. Большой стол
завален бумагами, мне по-
казалось — лежалыми. По-

верх них заметил я номе-
ра «Звезды» с моим рома-
ном. Я не удержался, пе-
релистнул страницы, рас-
строился множеством ка-
рандашных пометок. Ни-
кто, даже редактор, меня
так не читал. Жаль, что я

— от Толстого к Библии,
потом к съезду, потом к
Галине Николаеве, по-
том я сказал про не-
которые глаза «Послед-
него из удачей», те, что
мне особенно нрави-
лись. Лицо Фадеева за-

не выпросил у Фадеева
этих номеров. Внимание
мое привлекли книги в
шведских шкафах и среди
них — темно-синее девя-
ностотомное собрание со-
чинений А. Н. Толстого,
почти все тома были по-
держаны, иные затрепаны,
видно, что они постоянно
читались хозяином. Фа-
деев застал меня сидящим
на корточках перед шка-
фом. Он вынул первый по-
павшийся том. Из него
торчали закладки. Из каж-
дого тома торчали заклад-
ки. Он прочел:

«...отречься от созна-
ния своей правоты, сво-
их преимуществ, особен-
ностей перед другими
людьми и признать себя
виноватым».

Затем взял другую кни-
гу, наугад раскрыл и про-
чел про мужика, который
вышел вечером во двор и
видит: огонь вспыхнул у
навеса. Мужик крикнул,
кто-то побежал прочь, му-
жик узнал своего соседа,
с которым ссорился, и по-
бежал за ним, пока бежал,
и дом, и деревня сгорели.

«А? Какой сюжет?!» — вос-
кликнул Фадеев, перелист-
нул несколько страниц и
прочел из дневника, как
Толстой убирал комнату,
а кто-то из детей пролил
чернила. Толстой стал уп-
рекать, у него было злое
лицо, ребенок тотчас ушел
из комнаты. Толстой ни
звал его, не вернулся, и
даже Толстой анализиру-
ет, почему же ребенок не
рассердился, а он, Тол-
стой, несмотря на все
свои зарки, сердится.

— Вы почитайте, как
он следит за собою, как
он изучает себя. Познавая
себя, он и других может
познать. Он был целый
институт изучения челове-
ка. А с мужиком? Какой
сюжет, какая сила этой
притчи! Несколько стро-
чек!

И разговор наш нако-
нец закружился, поскакал
в счастливом беспорядке

туманилось, погрузнело.
Почему он не кончает, не
продолжает этот роман? —
допытывался я беззапес-
чиво. Он махнул рукой,
принужденно засмеялся —
когда-нибудь. Ему не хо-
телось продолжать эту те-
му, я почувствовал, что
коснулся чего-то болез-
ненного. Потом я задал
Фадееву вопрос, который
меня тогда чрезвычайно
интересовал: чем опреде-
ляется долголетие того
или иного произведения?
Почему некоторые вещи,
бесспорно талантливые,
старятся быстро, другие
же существуют долго, и в
том числе книги вроде бы
средние? Помню, как он
насторожился почти суе-
верно: не стоит, не стоит
доискиваться до истин-
ной причины, ибо тут-
то и хранится тайна иску-
ства и художнику лучше
ее не раскапывать. Все
остальное, что стояло за
этим ответом, он досказал
заговорщическим подмигив-
анием, ради бога, не ищи ре-
цепта!

Сейчас, вспоминая на-
шу встречу, я удивляюсь,
как много запомнилось из
того разговора, некото-
рые же вещи дословно,
это при плохой моей па-
мяти. Объяснить можно,
по-видимому, тем, что
это было единственной
моей встречей с Фадее-
вым. Собирая воспомина-
ния об И. В. Курчатове,
я убедился, что люди, ко-
торые общались с ним
часто, работали вместе
много лет, рассказывали о
нем вообще и в общем,
портрет был стерт каждо-
дневностью. Куда больше
дали рассказы тех, кто
встречался с Курчатовым
редко, единожды. Свидан-
ие это осталось событи-
ем в их жизни. Личность
Курчатова представала,
высвеченная удивлением,
вниманием, до мельчай-
ших подробностей. Нечто
подобное произошло и у

меня с Фадеевым. Разу-
меется, впечатления тут
могло быть в чем-то слу-
чайным, внешнее могло
показаться сущим, тут не
было отбора впечатлений,
и тем не менее история
эта до сих пор, спустя
тридцать лет, не потеряла
для меня примечатель-
ности. Никогда дальше
на моем литературном пу-
ти не было такой страст-
ной заинтересованности,
такой поглощенности моей
работой со стороны писа-
теля, для которого я был
человек посторонний. Да
к тому же в пору нелег-
кую в его собственной
судьбе. Это ответствен-
ное, хозяйское отношение
к литературе — не близле-
жащее, а ко всей нашей
литературе, — хозяйское в
смысле умения видеть ее в
целом, это качество удив-
ляет меня сегодня куда
сильнее, чем тогда.

Фадеев спросил, соби-
раюсь ли я перейти на
профессиональное поло-
жение писателя, то есть
оставить свою работу в
институте. Это была му-
чительная для меня про-
блема. Я боялся оторвать-
ся от института, будущее
писателя казалось мне
неверным, зыбким, да и
к тому же я еще не знал,
есть ли у меня на это пра-
во. В нелегком этом реше-
нии во многом помогла
тогда твердая уверенность
Фадеева. «Пора, пора, —
сказал он, — проза нетер-
пит совместительства, она
требует круглосуточной
работы». Думаю, что это
помогло мне уйти из ин-
ститута. Потом всякое бы-
ло, я жалел о своем реше-
нии, раскаивался, но то-
гда, тогда я был окрылен.

Впоследствии мое от-
ношение к Фадееву сло-
жилось неоднозначно, но
чувство благодарности за
нашу встречу осталось
навсегда.

Я провел у Фадеева
больше трех часов, я чув-
ствовал себя вымотан-
ным, Фадеев же был раз-
горячен, разошелся, ни за
что не хотел меня отпу-
скасть, взял с меня обе-
щание звонить, заходить,
будучи в Москве. Я обе-
щал, хотя знал, что не
отважусь. Так оно и бы-
ло. Спустя полтора года
я поехал на похороны Фа-
деева. Но в тот декабрь-
ский день 1954 года ка-
залось, что жизнь бес-
конечна, что дороги наши
будут пересекаться, схо-
диться не раз и это
только начало наших от-
ношений. Что и впредь
каждая моя новая книга
будет встречать такое же
горячее участие этого че-
ловека...

Даниил ГРАНИН

ЛЕНИНГРАД